

Жизненный рубеж

Говорить о проблемах возрастных ступеней человека — задача необычайно сложная, ведь она предполагает не меньше чем изображение картины всей душевной жизни от колыбели до могилы. В рамках доклада мы можем удовлетворить всем требованиям такой задачи лишь в самых общих чертах. Разумеется, речь здесь не идет о том, чтобы дать описание нормальной психологии различных возрастных ступеней, но мы должны заниматься «проблемами», трудностями, сомнениями, неоднозначностями — одним словом, вопросами, на которые можно дать сразу несколько ответов, причем ни один из них не будет достаточно надежным и бесспорным. Поэтому при обсуждении вопросов нам придется многое придумывать; хуже того, иногда мы будем вынуждены рассуждать умозрительно, а что-то даже принимать на веру.

Если бы душевная жизнь состояла только из данностей — что, впрочем, еще имеет место на первобытной ступени, — то мы могли бы тогда удовлетвориться прочным эмпиризмом. Однако душевная жизнь культурного человека полна проблематики, без нее она даже вообще немыслима. Наши душевные процессы представляют собой в основном рассуждения, сомнения, эксперименты — сплошь вещи, с которыми бессознательная, инстинктивная душа первобытного человека, похоже, совсем не знакома. Существованием проблематики мы обязаны росту сознания, данайскому дару культуры. Отступление от инстинкта и противопоставление ему себя образуют сознание. Инстинкт представляет собой природу и жаждет природы. Сознание, напротив, может желать только культуры или же ее отрицания. И везде, где бы оно, охваченное тоской Руссо, ни стремилось назад к природе, оно «окультуривает» ее. Поскольку мы по-прежнему являем собой природу, постольку мы бессознательны и живем в безопасности не имеющих проблем инстинктов. Все, что еще является в нас природой, страшится проблемы, ибо ее имя — сомнение, а где бы ни господствовало сомнение — повсюду неопределенность и возможность различных путей. Но там, где кажутся возможными различные пути, мы лишены надежного руководства со стороны инстинкта и у нас появляются опасения. Ведь здесь наше сознание должно теперь делать то, что за своих детей всегда делала природа, а именно — уверенно, однозначно и безо всяких сомнений решать. И тут нас охватывает свойственное всем людям опасение, что сознание, наше прометеево завоевание, в конце концов, все же неравноценно природе.

Эта проблема приводит нас к одиночеству, где мы лишены отца и матери и покинуты даже природой, где мы вынуждены обращаться к сознанию, и ни к чему другому, кроме него. Мы не можем поступить иначе и должны на место того, что совершалось естественным путем, поставить сознательное решение. Таким образом, любая проблема означает возможность распространения сознания, но вместе с тем также и необходимость распрощаться со всей бессознательной детскостью и естественностью. Эта необходимость является столь бесконечно важным душевным фактором, что

составляет один из наиболее значительных символических предметов учения христианской религии, то есть жертву исключительно природного человека, бессознательного, естественного живого существа, трагедия которого началась уже в тот момент, когда он сорвал в раю яблоко. Становление сознания — это как бы расплата за то библейское грехопадение. И таковой нам действительно кажется любая проблема, требующая от нас высокой степени сознания и тем самым еще больше удаляющая от нас рай детской бессознательности. Каждый человек склонен не замечать собственные проблемы; о них по возможности не упоминают или же, еще лучше, отрицают их существование. Хочется, чтобы жизнь была простой, надежной и ровной, и потому проблемы — это табу. Хочется определенности, а не сомнений, хочется результатов, а не экспериментов; при этом, однако, упускается из виду, что только благодаря сомнениям может быть достигнута определенность и только благодаря экспериментам могут быть получены результаты. Так что искусственное отрицание проблем не придает уверенности; чтобы добиться ясности и определенности, необходимо, скорее, более широкое и высокое сознание.

Мне понадобилось такое длинное вступление для того, чтобы пояснить суть нашего предмета. Там, где идет речь о проблемах, мы инстинктивно отказываемся проходить сквозь тьму и неизвестность. Мы хотим слышать только об однозначных результатах и при этом полностью забываем, что эти результаты вообще могут появиться лишь тогда, когда мы пройдем сквозь тьму. Но чтобы суметь через нее пройти, мы должны призвать все возможности просветления, которыми обладает наше сознание; как я уже говорил, мы вынуждены даже рассуждать умозрительно. Ведь при обсуждении душевной проблематики мы постоянно сталкиваемся с принципиальными вопросами, которые считаются вотчиной самых разных факультетов. Мы раздражаем и злим теолога не меньше, чем философа, а медика не меньше, чем воспитателя; мы вторгаемся даже в сферу деятельности биолога и историка. Эти экстравагантности возникают не из-за нашей нескромности, а в силу того обстоятельства, что душа человека представляет собой необычайную смесь факторов, являющихся одновременно предметами самых разных наук. Ибо науки обаяны своим рождением самому человеку и его своеобразным качествам. Они являются симптомами его души.

Поэтому если мы поставим неизбежный вопрос; «Почему в отличие от животного мира (а это отличие является довольно очевидно) человек вообще имеет проблемы?» — то окажемся в крайне запутанном клубке мыслей, который сплели в течение сотен веков многие тысячи очень острых умов. В данной работе я не буду заниматься сизифовым трудом, а лишь постараюсь внести свой посильный вклад в разрешение этого принципиального вопроса.

Без сознания нет проблемы. Поэтому мы должны поставить вопрос иначе, а именно:

каким образом случилось так, что человек вообще стал обладать сознанием? Я не знаю, как это произошло, потому что, когда первые люди стали сознательными, меня не было на свете. Но мы можем и сегодня наблюдать за становлением сознания у маленьких детей. Все родители, если они внимательны, могут это увидеть. Собственно говоря, мы можем увидеть следующее: когда ребенок кого-нибудь или что-нибудь узнает, мы чувствуем, что он имеет сознание. Поэтому, наверное, и в раю тоже было древо познания, принесшее столь фатальные плоды.

Но что такое узнавание? Мы говорим об узнавании в том случае, если нам, например, удастся расчленить новое восприятие на уже имеющиеся связи, причем таким образом, что в сознании будут представлены не только восприятие, но вместе с тем и части уже имеющихся содержаний (Следовательно, узнавание основывается на представленной в сознании взаимосвязи психических содержаний. — авт.). Мы не можем распознать содержание, не имеющее связей, и мы не можем его осознать, если наше сознание все еще находится на этой начальной ступени. Таким образом, первой формой сознания, доступной нашему наблюдению и познанию, является простая связь двух или нескольких психических содержаний. Поэтому на данной ступени сознание все еще связано с представлением нескольких рядов отношений, а, следовательно, является лишь спорадическим, и в дальнейшем его содержания уже не вспоминаются. Фактически для первых лет жизни нет постоянной памяти. В крайнем случае здесь имеются островки сознания, подобные отдельным лучам света или освещенным глубокой ночью предметам. Но эти островки воспоминаний уже не являются теми самыми ранними, существующими лишь в представлении связями содержаний, а включают в себя новый, очень важный ряд содержаний, а именно содержания, представляющие самого субъекта, так сказать, его «Я». Поначалу этот ряд содержаний, как и прежде, существует только в представлении, в результате чего ребенок первое время постоянно говорит о себе в третьем лице. И только позже, когда ряд «Я», или так называемый «Я»-комплекс, приобретает, вероятно в результате упражнения, собственную энергию, появляется чувство субъекта, или чувство «Я». Возможно, это происходит в тот момент, когда ребенок начинает говорить о себе в первом лице. По-видимому, на этой ступени возникает непрерывность памяти, то есть, по сути, непрерывность «Я»-воспоминаний.

Детская ступень сознания пока не знает проблем, ибо от субъекта еще ничего не зависит, в то время как сам ребенок целиком зависит от родителей. Он словно совсем еще не родился и по-прежнему пребывает в духовной атмосфере родителей. Духовное рождение и вместе с тем осознанное отделение себя от родителей наступает обычно только вместе с вторжением сексуальности в пубертатном возрасте. С этой физиологической революцией связана также и революция духовная. Вследствие телесных изменений «Я» выпячивается до такой степени, что зачастую заставляет считаться с собой совершенно несоразмерно. Отсюда и название «переходный возраст» (Немецкое выражение *Flegeljahre* (переходный возраст) до-словно переводится

как «годы дерзости, невоспитанности, грубо-сти». — Перев.).

Вплоть до этой эпохи психология индивида, в сущности, является инстинктивной и поэтому беспроблемной. Даже если субъективные влечения наталкиваются на внешние преграды, такое подавление не вызывает у индивида конфликта с самим собой. Он подчиняется ограничениям или обходит их, оставаясь полностью самодостаточным. Ему еще неведома саморасщепленность проблемного состояния. Это состояние может возникнуть только тогда, когда внешние барьеры станут внутренними, когда одно влечение будет идти вразрез с другими. Выражаясь психологически, это означает: проблемное состояние, внутренний конфликт возникает в том случае, когда возле ряда «Я» появляется второй ряд содержаний такой же интенсивности. По своей энергетической величине этот второй ряд имеет такое же функциональное значение, что и «Ян-комплекс; он является, так сказать, другим, вторым «Я», которое при случае может даже отобрать у первого «Я» ведущую роль. В результате возникает конфликт с самим собой, проблемное состояние.

Давайте теперь коротко окинем взглядом только что сказанное: первая форма сознания — простое распознавание — это анархическое или хаотическое состояние. Вторая ступень, то есть ступень образовавшегося «Я»-комплекса, представляет собой монархическую, или монистическую фазу. На третьей ступени вновь осуществляется развитие сознания, возникает сознание двойственности, дуалистическое состояние.

Здесь мы подошли непосредственно к нашей теме, то есть к проблематике возрастных ступеней. Сначала речь пойдет о проблематике молодого возраста. Эта ступень простирается от непосредственно послеподросткового времени и примерно до середины жизни, которая приходится на возраст где-то между тридцатью пятью и сорока годами.

Конечно, здесь сразу возникает вопрос: «Почему я начинаю со второй ступени человеческой жизни, словно ступень детства проблем не имеет?» Ребенок, как правило, пока еще лишен проблем, однако со своей сложной психикой он сам, пожалуй, представляет проблему номер один для родителей, воспитателей и врачей. Только взрослый человек может в себе сомневаться и потому быть не в ладах с самим собой.

Всем нам известны истоки проблем этой возрастной ступени. Подавляющее большинство людей соприкасаются здесь с внезапно прерывающими сон детства требованиями

жизни. Если индивид достаточно подготовлен, то переход в профессиональную жизнь может произойти гладко. Но если имеются контрастирующие с действительностью иллюзии, то сразу возникают и проблемы. Ни-кто не вступает в жизнь без некоторых уже сложившихся представлений. Иногда это представления ложные, не соответствующие внешним условиям, с которыми человек сталкивается. Часто это связано со слишком большими ожиданиями, с недооценкой внешних трудностей либо же с необоснованным оптимизмом или негативизмом. Можно было бы составить длинный список всех тех ошибочных представлений, которые являются причиной первых, осознанных проблем.

Однако проблемы порождают не только столкновение субъективных представлений с внешними условиями, но и, возможно столь же часто, внутренние душевные трудности; они существуют даже тогда, когда внешне все идет гладко. Особенно часто они представляют собою вызванные сексуальным влечением нарушения душевного равновесия и встречающееся, пожалуй, столь же часто чувство неполноценности, которое может являться причиной чрезмерной чувствительности. Эти внутренние конфликты могут существовать даже в том случае, когда приспособление к внешним условиям вроде бы достигается без труда. Иногда даже кажется, что молодые люди, вынужденные вступить в тяжелую борьбу с окружающей жизнью, не испытывают внутренних проблем, тогда как другие, которым по каким-либо причинам приспособление дается легко, обнаруживают либо сексуальные проблемы, либо конфликты, связанные с чувством неполноценности.

Лица, имеющие проблемы, очень часто бывают невротиками, но было бы серьезным недоразумением смешивать наличие проблематики с неврозом, ибо между ними имеется существенное различие: невротик болен потому, что не осознает своей проблематики, а человек, имеющий осознанную проблему, страдает от нее, не становясь больным.

Если попытаться извлечь из почти неисчерпаемого многообразия индивидуальных проблем молодого возраста общее и самое главное, то наталкиваешься на определенную характеристику, присущую, похоже, всем проблемам этой ступени: речь идет о выраженном в той или иной степени застревании на детской ступени сознания, о сопротивлении действующим в нас и вокруг нас силам судьбы, которые пытаются вовлечь нас в мир. Что-то в нас хотело бы оставаться ребенком, быть совершенно бессознательным или по меньшей мере осознавать только свое «Я» и отвергать все чужое, в предельном же случае подчинить все другое своей воле. Хотелось бы ничего не делать, а если уж что-то делать, так ради собственного удовольствия или же для того, чтобы утвердить свою власть. В этом проявляется нечто вроде инертности материи, что в свою очередь выражается в застревании на предыдущей фазе, сознание

которой меньше, уже, эгоистичнее, чем сознание фазы дуалистической, где индивид поставлен перед необходимостью признавать и принимать другое, чужое, как свою жизнь и как «тоже-Я».

Соппротивление направляется против расширения сферы жизни, являющегося важной особенностью этой фазы. Впрочем, такое расширение, эта «диастола» жизни, если мне будет позволено употребить выражение Гёте, началось уже задолго до этого. Оно начинается для ребенка одновременно с его рождением, когда он выходит из самого тесного ограничения — материнской утробы, и с этого момента непрерывно возрастает, пока не достигает своей вершины в проблемном состоянии, когда индивид как раз и начинает от него защищаться.

Что бы с ним стало, если бы он просто превратился в чужое, в другое, которое тоже представляет собой «Я», а его прежнее «Я» просто растворилось бы в прошлом? Этот путь представляется вполне возможным. Разве не является целью религиозного воспитания — начиная с древней истории Адама и кончая религиозными обрядами духовного обновления первобытных народов — превращение человека в то, чего раньше не было, в нечто новое, с тем чтобы дать умереть старому?

Психология учит нас, что в душе, в известном смысле, нет ничего старого, нет ничего, что действительно могло бы умереть; даже Павел оставил после себя «червь сомнения». Тот, кто защищается от нового, чужого и отступает к прошлому, находится в таком же невротическом состоянии, как и тот, кто, отождествляя себя с новым, бежит от прошлого. Единственное различие между ними состоит в том, что один отчуждает от себя прошлое, а другой — будущее. Принципиально оба делают одно и то же: они сохраняют узость своего сознания вместо того, чтобы разорвать ее через противопоставление противоположностей и тем самым добиться более широкого и высокого состояния сознания.

Было бы идеальным, если бы все это произошло в этой фазе жизни. Природе, похоже, отнюдь не безразлично состояние высокого сознания — вовсе даже наоборот; общество тоже не ценит таких душевных фокусов, и все же оно всегда в первую очередь поощряет результат, а не личность; последнее обычно бывает как дополнение. Эти факты вынуждают прийти к определенному решению, а именно к ограничению доступным дифференциации определенных способностей, которые являются подлинной сущностью дееспособного в социальном отношении индивида.

Достижения, полезность и т.д. являются идеалами, которые как будто указывают путь из хаоса проблем. Они являются путеводными звездами для расширения и упрочения нашего физического бытия, для нашего укоренения в мире, но не для дальнейшего развития человеческого сознания, то есть того, что называют культурой. Для молодого возраста это решение является вполне нормальным, и оно, во всяком случае, лучше, чем застревание исключительно на своих проблемах.

Таким образом, проблема разрешается путем приспособления того, что дано прошлым, к возможностям и требованиям грядущего. Человек ограничивается доступным, что в психологическом отношении означает отказ от всех остальных душевных возможностей. Тем самым у одного теряется часть ценного прошлого, у другого — часть не менее ценного будущего. Все мы, наверное, помним некоторых своих друзей и школьных товарищей, которые в свое время подавали многообещающие надежды, но, встретившись с ними вновь через несколько лет, находим их закостеневшими в шаблонах и ограниченными. Таковы факты.

Большие жизненные проблемы никогда не разрешаются навсегда. Если они однажды покажутся нам разрешенными, то это будет идти нам только в ущерб. По-видимому, смысл и цель существования таких проблем заключаются не в их разрешении, а в том, чтобы мы беспрестанно над ними работали. Одно это оберегает нас от отупения и закостенения. Так же и разрешение проблем молодого возраста путем ограничения себя доступным является лишь временным и, по сути, недолговечным. Во всяком случае, стать социальным существом и преобразовать свою первоначальную природу так, чтобы она более или менее отвечала этой форме существования, — это значительное достижение. Эту внутреннюю и внешнюю борьбу можно сравнить с борьбой детского возраста за существование «Я». Правда, эта борьба протекает для нас в основном впотьмах, но по тому, с каким упорством удерживаются в дальнейшем детские иллюзии, представления, эгоистические привычки и т.д., мы можем судить, сколько же усилий было на них затрачено. И то же самое происходит теперь с идеалами, убеждениями, направляющими идеями, установками и т.д., которые вводят нас в жизнь в молодом возрасте, ради которых мы боремся, страдаем и побеждаем: они срастаются с нашей сущностью, мы, по всей видимости, превращаемся в них и поэтому продолжаем их *ad libitum* (По желанию; по своему усмотрению: как захочется или сколько угодно (лат.). — Перев.) с той же естественностью, с какой молодой человек *volens volens* выставляет по отношению к миру или самому себе собственное «Я».

Чем ближе середина жизни и чем больше удалось утвердиться в своей личной установке и социальном положении, тем сильнее кажется, что найдены правильная линия жизни, верные идеалы и принципы поведения. Поэтому в дальнейшем возникает представление, что они незыблемы, и появляется желание навсегда за них зацепиться.

При этом, однако, остается без внимания тот существенный факт, что утверждение социальной цели происходит за счет цельности личности. Многое, слиш-ком многое — жизнь, которая могла бы быть прожита иначе, — остается лежать в чуланах покрытых пылью воспоминаний, порою даже оказываясь раскаленными углями под серым пеплом.

Статистика указывает на возрастание частоты депрес-сий у мужчин в возрасте около сорока лет. У женщин невротические трудности появляются, как правило, не-сколько раньше. В этой фазе жизни, то есть между тридцатью пятью и сорока годами, подготавливается су-щественное изменение человеческой психики. Сначала, правда, это неосознанное и не бросающееся в глаза изменение — речь здесь скорее идет о косвенных при-знаках изменений, берущих, по-видимому, свое начало в бессознательном. Иногда это как бы постепенное изме-нение характера, в другом случае появляются качества, которых не было с детского возраста, или же начинают блекнуть прежние склонности и интересы, а их место занимают новые, или — что бывает очень часто — начи-нают затвердевать и становиться жесткими прежние принципы и убеждения, особенно моральные, что посте-пенно, к пятидесяти годам, может перерасти в нетерпи-мость и фанатизм — как будто существованию этих принципов что-нибудь угрожает и поэтому их нужно вы-пячивать еще более.

Не всегда в зрелом возрасте вино молодости становит-ся прозрачным, иногда оно и мутнеет. Все эти явления наиболее заметны у людей несколько односторонних. Иногда они наступают раньше, иногда позже. Зачастую, как мне кажется, их наступление затягивается тем обсто-ятельством, что еще живы родители данного человека. Тогда как бы чересчур растягивается юношеская фаза. Главным образом я наблюдал это у тех мужчин, отец ко-торых долгое время был жив. Его смерть вызывала тогда нечто вроде скоротечного созревания и действовала, так сказать, катастрофически.

Я знаю одного набожного мужчину, возглавлявшего церковный приход. Примерно в сорок лет эта набожность переросла у него в несносную моральную и религиозную нетерпимость. При этом характер его становился все бо-лее невыносимым. В конце концов он стал мало чем отли-чаться от угрюмо глядящей церковной колонны. Так он прожил до пятидесяти пяти лет, пока однажды он вдруг не привстал посреди ночи с постели и не сказал жене: «Те-перь я все понял. Я подлинный негодяй». Это озарение не осталось без практических последствий. Последние годы жизни он провел в свое удовольствие, истратив при этом большую часть своего состояния. Очевидно, не так уж не-симпатичен этот человек, способный на обе крайности!

Очень часто встречающиеся невротические расстрой-ства зрелого возраста имеют

нечто общее: они пытаются перенести психологию фазы молодости через порог зрелого возраста. Кто не знает тех трогательных пожилых господ, погрязших в беспросветном мещанстве, которые все снова и снова вытаскивают на свет божий давно уже забытые студенческие годы и, только возвращаясь в прошлое, к своему героическому гомеровскому времени, способны разжечь пламя жизни? Однако у них, как правило, есть преимущество, которое нельзя недооценивать, — они не невротики, а большей частью всего лишь скучные и стереотипные люди.

Невротиком скорее является тот, кому никогда не удалось осуществить в настоящем то, чего бы ему хотелось, и кто поэтому не может радоваться прошлому. Так же как раньше он не сумел отделаться от детства, так и теперь он не в состоянии избавиться от фазы молодости. Наверное, он не может найти себя в мрачных мыслях старения и поэтому напряженно смотрит назад, поскольку смотреть вперед для него невыносимо. Как инфантильный человек боится неизвестности мира и жизни, так и взрослый сторонится второй половины жизни, как будто там его подстерегают неведомые трудности, или как будто это чревата для него жертвами и потерями, с которыми он не может смириться, или как будто прошлая его жизнь была настолько прекрасна и настолько ему дорога, что он не может без нее обойтись.

Но, может быть, это просто страх смерти? Мне, однако, это представляется маловероятным, поскольку, как правило, смерть еще далека, а потому и несколько абстрактна. Опыт показывает, что основой и причиной всех трудностей этого переходного периода скорее является глубинное, удивительное изменение души. Для того чтобы его охарактеризовать, я бы хотел привести в качестве сравнения дневное движение солнца. Имеется в виду солнце, одушевленное человеческим чувством и наделенное сиюминутным человеческим сознанием. Утром оно появляется из ночного моря бессознательного, освещая широкий, пестрый мир, и чем выше оно поднимается на небосводе, тем дальше распространяет свои лучи. В этом расширении сферы своего влияния, связанном с восходом, солнце будет видеть свое предназначение и усматривать свою высшую цель в том, чтобы подняться как можно выше и тем самым как можно больше распространить свою благодать. С этим убеждением солнце достигает непредвиденной полуденной высоты — непредвиденной, потому что из-за своего однократного индивидуального существования оно не могло знать заранее собственного кульминационного пункта. В двенадцать часов дня начинается закат. Он представляет собой инверсию всех ценностей и идеалов утра. Солнце становится непоследовательным. Оно как бы убирает свои лучи. Свет и тепло убывают вплоть до полного угасания.

Всякое сравнение хромает. Но это сравнение хромает по крайней мере не больше, чем остальные. Одно французское выражение цинично и вместе с тем смиренно обобщает

смысл этого сравнения: «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait» (Если бы молодость умела, если бы старость могла (франц.). — Перев.).

К счастью, мы люди, а не солнца, иначе с нашими культурными ценностями дело обстояло бы туго. Но кое-что в нас есть от солнца; и утро, и весна, и вечер, и осень — это не просто сентиментальная болтовня, а психологические истины, более того, это даже физиологические факты, так как полуденный переворот изменяет даже наши физические свойства. Для южных народов особенно характерно, что у пожилых женщин появляется хриплый, низкий голос, усы, жесткие черты лица и разные другие мужские признаки. И наоборот, мужской физический хабитус ослабляется женскими чертами, например увеличением жировой прослойки и более мягким выражением лица.

В этнологической литературе имеется одно интересное сообщение об индейском вожде и воине, которому в середине жизни явился во сне великий дух и возвестил, что отныне тот должен будет сидеть с женщинами и детьми, носить женскую одежду и питаться пищей для женщин. Вождь повиновался видению, не потеряв своей репутации. Это видение является точным выражением полуденной психической революции, начала заката. Жизненные ценности и даже тело превращаются в свои противоположности, по крайней мере в виде намека.

Мужское и женское начала вместе с их душевными особенностями можно было бы, к примеру, сравнить с определенным запасом субстанций, которые в первую половину жизни расходуются неодинаково. Мужчина расходует свой большой запас мужской субстанции, и у него остается лишь небольшая сумма женской, которой он и начинает пользоваться. И наоборот, женщина теперь пускает в ход не использованный ею ранее запас мужественности,

Еще более, чем в физическом отношении, это изменение проявляется в психическом. Как часто, например, бывает, что мужчина в возрасте сорока пяти — пятидесяти лет разоряется, и тогда женщина надевает брюки и открывает лавку, где мужчина разве что исполняет роль подручного. Существует очень много женщин, у которых социальная ответственность и социальное сознание пробуждаются вообще только после сорока лет жизни. В современных деловых кругах, особенно в Америке, break down, нервный срыв после сорока лет, — явление достаточно распространенное. Если исследовать такого бедолагу более тщательно, то оказывается, что разрушенным является прежний, мужской, стиль, а то, что остается, представляет собой феминизированного мужчину. И наоборот, в тех же кругах встречаются женщины, которые в эти годы обнаруживают необычайную мужественность и твердость разума,

оттесняющие на задний план сердце и чувство. Очень часто эти изменения сопровождаются разного рода супружескими катастрофами; ведь не так уж трудно себе представить, что бывает, когда муж проявляет свои нежные чувства, а жена свой разум.

Самое плохое во всем этом то, что умные и образованные люди живут, даже и не подозревая о возможности таких изменений. Они вступают во вторую половину жизни совершенно неподготовленными. Или, быть может, есть где-нибудь учебные заведения, и не просто средние, а высшие школы для сорокалетних, которые готовили бы их к будущей жизни с ее требованиями так же, как вводят в знание мира и жизни наших молодых людей школы и институты? Нет, мы вступаем во вторую половину жизни крайне неподготовленными; хуже того, мы делаем это, на-ходясь под влиянием ложных представлений наших прежних истин и идеалов. Мы не можем прожить вечер жизни по той же самой программе, что и утро, потому что того, чего много утром, будет мало вечером, а то, что верно утром, вечером будет уже неверно. Мне приходилось лечить слишком многих пожилых людей и заглядывать в сокровенные уголки их души, чтобы усомниться в истине этого основного правила.

Стареющий человек должен знать, что его жизнь не увеличивается и не расширяется; наоборот, неумолимый внутренний процесс приводит к сужению жизни. Если молодой человек слишком много занимается собственной персоной — это является для него чуть ли не грехом или, по крайней мере, опасностью; для стареющего же человека уделять серьезное внимание своей Самости — это обязанность и необходимость. Солнце прячет свои лучи для освещения самого себя, после того как оно расточало свой свет миру. Вместо этого многие пожилые люди предпочитают превращаться в ипохондриков, скряг, узких педантов и *landatores temporis acti* (Апологеты минувшего времени (лат.). — Перев.) или даже оставаться вечно молодыми — жалкая замена освещению Самости, но неминуемое следствие того заблуждения, что вторая половина жизни должна управляться принципами первой.

Только что я говорил, что у нас нет школ для сорока-летних. Это не совсем верно. Наши религии с давних пор являются или когда-то были такими школами. Но для скольких людей они еще ими являются? Сколько пожилых людей действительно были воспитаны в одной из таких школ для тайны второй половины жизни, для старости, смерти и вечности?

Разумеется, человек не жил бы семьдесят и восемьдесят лет, если бы такая продолжительность жизни не соответствовала смыслу его вида. Поэтому вечер его

жизни также должен иметь свой смысл и цель, он не может быть жалким придатком утра. Несомненно, смыслом утра является развитие индивида, его устройство во внешнем мире, продолжение рода и забота о потомстве. Это является очевидной природной целью. Но если эта цель достигнута, и достигнута даже с избытком, должно ли приобретение денег, дальнейшее завоевание и расширение пространства своего существования переходить за рамки разумного смысла? Тот, кто подобным образом без нужды переносит закон утра, то есть природную цель, на вторую половину жизни, должен считаться с душевными потерями точно так же, как юноша, пытающийся перенести свой детский эгоизм в зрелый возраст, должен расплачиваться за это свое заблуждение социальным неуспехом. Приобретение денег, социальное существование, семья, потомство представляют собой всего лишь природу, но не культуру. Культура находится по ту сторону природной цели. Тогда, может быть, культура является смыслом и целью второй половины жизни?

У первобытных племен, например, мы видим, что почти всегда старики являются хранителями таинств и законов, а в этом и выражается прежде всего культура племени. Как обстоит дело в этом смысле у нас? Где мудрость наших стариков? Где их секреты и вещие сны? Скорее старики у нас чуть ли не пытаются подражать молодым. В Америке считается, так сказать, идеалом, если отец является братом для своих сыновей, а мать где только можно — младшей сестрой своей дочери.

Я не знаю, что в этом заблуждении можно отнести к реакции на преувеличение в прошлом статуса и что к ложным идеалам. Последние, несомненно, имеются: конечный пункт для таких людей находится не впереди, а позади них. Поэтому они устремляются назад. Можно согласиться с ними в том, что трудно увидеть, какие другие конечные пункты должны быть во второй половине жизни по сравнению с целями первой: расширением жизни, полезностью, дееспособностью, утверждением в социальной жизни, предусмотрительным подыскиванием подходящей пары и хорошего положения для своего потомства — цель жизни достигнута! К сожалению, это не может являться достаточным смыслом и целью для многих людей, усматривающих в старении только лишь угасание жизни и ощущающих, что их прежние идеалы поблекли и изжили себя. Конечно, если бы эти люди еще раньше успели наполнить до краев и опустошить до дна чашу своей жизни, то теперь они чувствовали бы себя, пожалуй, иначе; их бы ничего не удерживало, все, что могло сгореть, сгорело бы, и спокойствие старости было бы для них желанным. Но нам нельзя забывать, что мало кто из людей умеет жить и что искусство жить является к тому же самым важным и самым редким из всех искусств — исчерпать всю чашу красоты, кому это удавалось? Так что для большинства людей слишком многое остается непережитым — часто даже возможности, которые они не смогли бы реализовать при всем желании, — и, таким образом, они переступают через порог старости с неудовлетворенными притязаниями, которые невольно заставляют их смотреть назад,

Таким людям смотреть назад особенно пагубно. Им скорее нужна перспектива, прицельная точка в будущем. Поэтому во всех основных религиях имеются свои заветы относительно потусторонней жизни, есть своя стоящая над миром цель, которая позволяет смертному прожить вторую половину жизни с такой же целенаправленностью, что и первую. Однако насколько убедительны для современного человека цели расширения и кульминации жизни, настолько же сомнительна или прямо-таки невероятна для него идея продолжения жизни после смерти. И все же конец жизни, то есть смерть, может быть разумной целью лишь в том случае, если либо жизнь настолько ужасна, что в конце концов радуешься ее завершению, либо когда есть убеждение, что солнце с такой же последовательностью, с какой оно поднимается к полудню, стремится к своему закату, «чтобы светить дальним народам». Однако верование является сегодня столь нелегким искусством, что для части человечества — особенно образованной — оно стало почти недоступным. Мы слишком приучены к мысли, что *in puncto* (В отношении (лат.). — Перев.) бессмертия и т.п. существуют различные противоречивые мнения и нет никаких убедительных доказательств. Поскольку нашим современным лозунгом, имеющим, по-видимому, безусловную убедительную силу, является наука, то хотелось бы иметь «научные» доказательства. Но мыслящие образованные люди знают совершенно точно, что подобные доказательства относятся к числу философских невозможностей. Об этом просто ничего нельзя узнать.

Могу ли я утверждать здесь, что по тем же причинам нам не дано знать, происходит ли все же что-нибудь после смерти или нет? Ответ является *non liquet* (Не ясно (лат.). — Перев.), ни положительным, ни отрицательным. Мы просто не знаем об этом ничего научно определенного и тем самым находимся точно в таком же положении, как, например, при обсуждении вопроса, обитаем Марс или нет; при этом с жителями Марса, если они существуют на самом деле, совершенно ничего не происходит, независимо от того, соглашаемся мы с их существованием либо его отрицаем. Они могут быть, а могут и не быть. Таким же образом обстоит дело с так называемым бессмертием, и поэтому мы можем отложить проблему *ad acta* (В дело, в архив. Пометка на деловых бумагах (лат.). — Перев.).

Здесь, однако, пробуждается моя совесть врача, которая велит мне высказать еще кое-какие важные соображения по этому вопросу. Я обнаружил, что целенаправленная жизнь в целом лучше, богаче, здоровее, чем бесцельная, и что лучше идти вперед вместе со временем, чем назад против времени. Врачевателю души пожилой человек, неспособный расстаться с жизнью, кажется таким же слабым и больным, как и юноша, который не в состоянии ее построить. И в самом деле, как в том, так и в другом случае речь часто идет об одной и той же детской жадности, о том же самом страхе, об одном и том же упрямстве и своеволии. Как врач я убежден, что, так сказать, гигиеничнее

видеть в смерти цель, к которой нужно стремиться, и что сопротивление этому является чем-то нездоровым и ненормальным, потому что оно делает вто-рую половину жизни бесцельной. Поэтому, исходя из точ-ки зрения душевной гигиены, я нахожу чрезвычайно ра-зумными все религии, которые имеют цель, стоящую над миром. Если я живу в доме и знаю, что в течение двух недель он рухнет на мою голову, то эти мысли нанесут ущерб всем моим жизненным функциям; если же я, на-против, чувствую себя уверенным, то смогу спокойно и нормально в нем жить. Следовательно, с психотерапевти-ческой точки зрения было бы лучше, если бы мы могли думать, что смерть — это всего лишь переходный период, часть неизвестного большого и долгого процесса жизни,

Хотя большинство людей не знает, зачем нужна орга-низму поваренная соль, все, однако же, ее требуют, ру-ководствуясь инстинктивной потребностью. Так же об-стоит дело и с душевными фактами. Большинство людей давно уже ощутили потребность в продолжении сущест-вования. Поэтому мы со своей констатацией находимся не в стороне, а посередине магистрального пути жизни чело-вечества. А значит, с позиции жизни мы рассуждаем пра-вильно, даже если и не вполне понимаем, о чем думаем.

Да и вообще, мы когда-нибудь понимаем то, о чем ду-маем? Мы понимаем только такое мышление, которое представляет собой не что иное, как уравнение, из кото-рого никогда не получится более того, что нами в него вложено. Это интеллект. Но кроме него существует мыш-ление в элементарных образах, символах, более древних, чем исторический человек, которые издавна являются у него врожденными и которые, переживая все поколения и оставаясь вечно живыми, составляют подпочву нашей души. Полноценная жизнь возможна лишь в согласии с ними; мудрость — это возвращение к ним. В действитель-ности речь не идет ни о вере, ни о знании; речь идет о согласовании нашего мышления с первообразами бессоз-нательного, порождающими любую мысль, над разгадкой которой постоянно бьется наше сознание. И одной из этих архаичных мыслей является идея о жизни по ту сторону смерти. Наука несоизмерима с этими первообразами. Это иррациональные данности, априорные условия воображе-ния, которые просто есть, а их закономерность и полно-мочия наука может исследовать только а posteriori, при-мерно как функцию щитовидной железы, которая до XIX столетия также считалась бесполезным органом. Для меня первообразы являются чем-то своего рода органами души, о которых я забочусь по мере возможного; поэтому я обязан сказать пожилому пациенту: «Ваш образ бога или ваша идея бессмертия атрофирована, из-за этого у вас на-рушен обмен веществ». Древнее *jarmakon aJanasiax* ле-карство бессмертия, более богато смыслом и глубже, чем мы полагаем.

В заключение я бы хотел на миг вернуться к сравнению с солнцем. 180 градусов нашей жизненной дуги распада-ются на четыре части. Первая, восточная четверть, пред-ставляет собой детство, то беспроblemное состояние, где мы являемся проблемой

для других, но пока еще не осознаем собственной проблематики. Осознанная проблематика распространяется на вторую и третью четверти, а в последней четверти, в старости, мы вновь погружаемся в то состояние, где мы, не заботясь о своем состоянии сознания, опять скорее становимся проблемой для других. Детство и старость, хотя и чрезвычайно отличаются друг от друга, имеют все же нечто общее, а именно погруженность в бессознательное. Поскольку душа ребенка развивается из бессознательного, то в его психологии, тоже весьма непростой, разобраться все же легче, чем в психологии старца, который снова погружается в бессознательное и постепенно в нем растворяется. Детство и старость представляют собой беспроблемные состояния жизни, по-этому я их здесь и не рассматривал.